

Се Синчжоу никогда не оправдывался. С самого детства он всегда молчал, и Лу Жунь привык к его молчанию. Но на этот раз он вдруг заговорил, и это сильно удивило Лу Жуня.

Он не мог не задуматься.

Когда его измена раскрылась, первой реакцией Лу Жуня было признаться в ошибке Се Синчжоу. В конце концов, виноват был он, но это не было чем-то ужасным. Он просто совершил ошибку, которую совершают многие мужчины, и думал, что если попросит прощения, Се Синчжоу, скорее всего, его простит.

Но, конечно, Лу Жунь так и не сделал этого, потому что Цзянь Дунлинь его остановил.

Цзянь Дунлинь сказал ему, с полной уверенностью, что эти фотографии, которых они не видели, наверняка были подделаны Се Синчжоу. Он сказал, что Се Синчжоу давно его ненавидит и мечтает, чтобы его брата вообще не существовало. Лу Жунь, конечно, поверил ему — не в то, что фотографии были подделаны, а в то, что Цзянь Дунлинь был очень умным человеком, который умел использовать характер каждого, чтобы получить то, что он хотел.

Он мог так уверенно говорить, потому что знал, как манипулировать Се Синчжоу.

Но, конечно, Се Синчжоу был глупцом. Если говорить красиво, он был высокомерен, если некрасиво — он все еще находился в своей подростковой фазе, считая себя единственным, кто понимает мир.

Его черты были настолько заметны: высокомерие и нежелание объясняться.

Люди не так умны, как кажется. Они не могут угадать чьи-то мысли по одному микровыражению, поэтому Се Синчжоу с его характером был обречен на то, чтобы им манипулировали.

Лу Жунь знал это и поверил словам Цзянь Дунлиня.

Они хотели свалить всю вину на Се Синчжоу, обвинив его в подделке фотографий. План был тщательно продуман, и они заслуживали похвалы, но, в конце концов, правда всегда выходит наружу! Они даже не знали, что Се Синчжоу переродился! Он был раздавлен, но снова поднялся на ноги.

— Преимущества? Ну, конечно, избавиться от твоего брата.

Услышав его вопрос, Лу Жунь явно замер, но, будучи настоящим подлецом, он быстро нашелся и плавно ответил:

— Ты ненавидишь Цзянь Дунлиня, поэтому хочешь использовать эту ситуацию, чтобы выгнать его. И ты подозреваешь нас.

— Се Синчжоу, у меня тоже есть вопрос к тебе. Ты действительно меня любишь? Если да, то почему все эти годы, когда я пытался сблизиться с тобой, ты всегда отказывался?

Се Синчжоу поднял на него взгляд.

В комнате было мало света, и его глаза казались особенно глубокими, как бездонные воды, в которых бурлили невидимые течения.

Это выражение не было пугающим, но Лу Жунь почувствовал тревогу. Ему казалось, что он сам

сломал оковы, и теперь Се Синчжоу свободен.

Действительно ли он любил Лу Жуня? Это даже не требовало объяснений. Се Синчжоу был традиционным человеком, и если он что-то принимал, то отдавал этому все свое сердце. Он любил Лу Жуня, по крайней мере раньше, и никто не мог в этом усомниться. У него было много недостатков, но в этом все признавали его искренность.

Се Синчжоу был чист перед своей совестью, но Лу Жунь не верил ему только потому, что он не хотел сближаться.

Се Синчжоу не мог не рассмеяться. Он думал, что Лу Жунь не просто подлец, а настоящий 24-каратный подлец без сердца. Разве такой мусор способен любить кого-то? Цзянь Дунлинь — его настоящая любовь?

— Конечно, я действительно тебя люблю. Просто я с детства воспитан в традициях, поэтому не могу...

— Что ты не можешь? Цзянь Дунлинь разве не такой же?

Се Синчжоу, о, мгновенно перешел в режим детектива!

Не поддаваясь влиянию любовных чувств и подростковых заморочек, Се Синчжоу был очень умным. Он был лучшим выпускником, и его мозг работал быстро. Уже через секунду он нашел в словах Лу Жуня лазейку:

— Значит, ты действительно пробовал с Цзянь Дунлинем? Лу Жунь, посмотри на себя. Ты все сделал, а теперь еще и оправдываешься.

— Я еще скажу тебе кое-что. Эти фотографии не я делал. Вы не сможете свалить на меня вину. Я больше не собираюсь терпеть. С самого детства я брал на себя ответственность за многие вещи, связанные с Цзянь Дунлинем. С меня хватит. Больше вы не сможете мной манипулировать.

— Я хочу с тобой расстаться! Ты изменил и солгал! Ты подлец! Я не собираюсь вносить вклад в статистику разводов в Стране С.

Се Синчжоу не был таким язвительным. Все это было из-за дурацких писем, где говорилось о статистике браков и разводов. Слова могут ранить, и он сам начал говорить в таком же духе.

Се Синчжоу все же решил расстаться, ведь он не терпел несовершенства. Но на этот раз осуждать будут не его. Благодаря этим фотографиям он вернул себе моральное превосходство. Се Синчжоу ушел решительно, не обращая внимания на отчаянные мольбы Лу Жуня. Он шел с прямой спиной.

Он был рад, что избавился от подлеца, и так же рад был Цзян Цзэ, который подслушивал за стеной.

— Сегодня вечером пойдем поедим...

Японскую кухню? Сашими? Или лобстера за две тысячи юаней? Глаза мелких загорелись.

Цзян Цзэ хихикнул, он был очень близок к народу:

— Шашлык. Овощи за пять мао, мясо за юань. Берите алкоголь с собой, в шашлычных пиво

слишком дорогое.

Что за привычки? Ты же единственный сын самого богатого человека, почему ты такой скряга?!

— Не может быть! Зачем нам идти на уличную закусную? Это позор для нашего клуба мажоров. Нас будут смеяться.

Цзян Цзэ был уверен в себе:

— Вы же холостяки, а у меня есть бог. Я коплю деньги на приданое, тьфу, на выкуп.

— Ну, может, мы вас угостим? Наконец-то кого-то бросили, и я тоже рад!

Лу Жунь, чужой ребенок, был известен своей вежливостью, образованностью и способностью помогать семье. Его ненавидели в кругу мажоров, и Цзян Цзэ ненавидел его больше всех!

— Я давно знал, что старший из семьи Лу — лицемер. Мой отец постоянно хвалит его за учебу и характер, тьфу.

— Да, он учится хорошо, но он не лучший выпускник! Он отстает от Синчжоу на пятьдесят баллов!

— Лицемер. Я даже видел, как он в баре заказывал девушек. Я рассказал об этом отцу, а он меня обозвал дураком.

Цзян Цзэ считал, что они были правы. Лу Жунь не был хорошим человеком. В таких больших семьях мало кто остается чистым, как белый лист. Большинство просто притворяются, и Лу Жунь не был исключением. Даже его любовь к Се Синчжоу была продиктована выгодой.

Цзян Цзэ вспомнил прошлую жизнь и те истины, которые он позже открыл. Его глаза наполнились тьмой.

Его черты были резкими, и когда он был в гневе, он выглядел как настоящий хулиган, готовый схватиться за кирпич и драться:

— Да, этот ублюдок постоянно болтает на улице, что мы родственники. Кто, черт возьми, хочет такого родственника?

— Ну...

Дверь скрипнула, и мелкий, увидев стоящего на пороге человека, замер.

— Цзэ, Цзэ, Цзэ-гэ, ты... перестань, оглянись.

Цзян Цзэ не слушал:

— Этот ублюдок осмелился изменить? Я его убью.

Мелкий: Цзэ-гэ... Лучше бы ты замолчал. Ты ведь понимаешь, что ты умрешь?

Цзян Цзэ не знал, он с гордостью продолжал ругаться у окна:

— Эти фотографии я разошлю всем, чтобы он больше не смел выходить на улицу.

Се Синчжоу, о, чувствовал, что сегодня ему очень повезло.

— Фотографии? Какие фотографии? Цзян Цзэ, ты и правда крут.

Цзян Цзэ умер. Он действительно умер, и никто не мог его спасти.

Когда он увидел Се Синчжоу, его взгляд смерти пронесся по всей кофейне.

Черт, бесполезные идиоты, его бог пришел, а они даже не предупредили! Они точно завидовали, без вариантов.

Мелкий: Несправедливость, мы действительно пытались спасти, но Цзян Цзэ слишком увлекся руганью, и его зависть была слишком ужасна...

— Гэ, когда ты пришел? — слабым голосом спросил Цзян Цзэ.

Се Синчжоу медленно подошел к Цзян Цзэ, остановился и посмотрел на него снизу вверх:

— Хулиган, неплохо.

Цзян Цзэ дрожал:

— Нет, я не такой. Я действительно хочу учиться.

<http://bllate.org/book/16426/1488664>